

УДК 821.161.1-31Одоевский

Тамара Морева

КАТЕГОРИЯ ТАИНСТВЕННОГО В ТВОРЧЕСТВЕ В. Ф. ОДОЕВСКОГО

В статье идет речь о категории таинственного в творчестве В. Ф. Одоевского. Делается вывод о том, что идея двоемирия находит художественную реализацию в повестях «Сильфида», «Саламандра» и «Косморама». В романтическом творчестве В. Ф. Одоевского чудесное всегда имеет две стороны: одну — чисто фантастическую, другую — реальную.

Ключевые слова: «таинственные повести», «завуалированная фантастика».

У статті йдеться про категорію таємничого в творчості В. Ф. Одоевського. Робиться висновок про те, що ідея наявності двох світів знаходить художню реалізацію в повістях «Сильфіда», «Саламандра», «Косморама». У романтичній творчості В. Ф. Одоевського чудесне завжди має дві сторони: одну — суто фантастичну, іншу — реальну.

Ключові слова: «таємничі повісті», «завуальована фантастика».

This article is dedicated to the categories of the mysterious in the works by V. F. Odoevsky. Contemplating them the author draws a conclusion that the idea of the two parallel worlds finds its artistic embodiment in «The Sylph», «The Salamander», and «The Cosmorama». In the romantic stories by V. F. Odoevsky the supernatural is always represented by two sides: one is merely fantastic and the other is real.

Key words: «phantasmagorical stories», «veiled fabulousness».

Постановка проблемы. Литературно-философское наследие Одоевского в 30–40-е годы XIX в. представляет необъяснимый, на первый взгляд, парадокс: неповторимый, специфический способ философствования и множество источников, повлиявших на этот способ. В мировоззрении писателя можно найти отголоски самых разнообразных идей, учений. Наряду с общепризнанными факторами, обусловившими эволюцию взглядов Одоевского, немецкой идеалистической философией и европейским мистицизмом, следует назвать и исторические теории конца XVIII — начала XIX века. В наследии Одоевского проявились тенденции, близкие одновременно двум направлениям, которым предстояло

развиться в будущем, — позитивизму и экзистенциализму. Уникальность творчества Одоевского обусловлена «несовпадением» внутренних стимулов и внешних условий его развития как художника и мыслителя: весь устремленный к целостности, он жил в эпоху перелома. Отсюда необычная активность, действенность мысли, отсюда его подход к любому явлению истории и культуры как к проблеме, непосредственно связанной с задачами личного самоопределения. Ощущение единства, монолитности пути писателя возникает благодаря тому, что философствование всегда было для Одоевского средством достижения реальной целостности, делом глубоко личным и индивидуальным, связанным со всем неповторимым жизненным опытом человека.

Цель данного исследования — на основе изучения повестей В. Ф. Одоевского, созданных в 30–40-е годы и ставших интереснейшим явлением в русской фантастике этого времени, проследить, какую роль в них играет категория таинственного.

Тот тип фантастики, к которому прибегает Одоевский, можно, пользуясь терминологией Ю. Манна, определить как «двойственную или завуалированную фантастику» [3, с. 185]. Произведения демонстрируют сложный взгляд художника на мир. Дуализм мироощущения писателя находит адекватную художественную форму через изображение столкновения разных планов — реального и фантастического, прозаического и поэтического. Природа фантастического в данном случае лишена определенности и рождает двойное толкование. Либо фантастическое выступает как проявление мироощущения автора, воспринимающего мир как арену действия иррациональных сил, либо это проявление особенного мироощущения героя.

Писатель сочетает реалистический план с фантастическим, а соотношение этих планов определяет, в основном, природу «таинственных повестей» Одоевского, в которых диалогизм сознания писателя выступает как формообразующий принцип художественного целого. Даже допуская возможность проявления фантастических сил в мире, он с

помощью «завуалированной фантастики» подчеркивает проблематичность этой идеи и до конца старается сохранить возможность двойственного ее толкования.

Фантастика Одоевского тяготеет к аналитичности. Даже в его «таинственных» повестях, «Сильфиде», «Саламандре» и «Космораме», традиционно трактуемых как мистические, есть и чисто научный интерес к тайнам человеческой психики, желание исследовать непонятные явления действительности. «Я хочу объяснить все эти странные явления, подвести их под общие законы природы, содействовать истреблению суеверных страхов», — писал Одоевский [5, Т. 1, с. 308].

«Таинственные повести» Одоевского представляют собой особый цикл, объединенный и общим творческим замыслом, и типом повести, и особым видом фантастики. Н. В. Измаилов, говоря об этих повестях, подчеркивал: «...Фантастика Одоевского вытекает из его философского мировоззрения и служит выражением разных его сторон... Ни один из русских писателей в фантастическом роде не обладал такой широкой и глубокой философской подготовкой и не строил своих фантастических сюжетов на таких теоретических основаниях, как Одоевский» [2, с. 164–165].

В основе этого цикла лежит мысль об отчуждении личности, утрачивающей связь с потусторонним миром сущностей или человечеством.

Непосредственным объектом изображения оказываются два типа психики, психофизиологической организации, два типа психологических состояний человека. Одоевский исходит из того, что те или иные реальные отношения человека с миром зависят от тех или иных состояний человеческой души: невозможное в пределах одного состояния становится возможным в границах другого. И особый интерес, с этой точки зрения, вызывают у писателя душевные состояния, традиционно интересовавшие романтическую литературу, — сны, предчувствия, явления сомнамбулизма, ясновидения, внушения и т. п. Для Одоевского это, прежде всего, особые психофизиологические состояния организма, но писатель предполагает в них и за ними особые духовные возможности,

и, в частности, возможность непосредственного контакта со сверхъестественным.

Идея двоимирия находит художественную реализацию в повестях «Сильфида», «Косморама», «Саламандра».

В «таинственных повестях» Одоевского мы встречаемся с типом ясновидца, с человеком, который проник в тайну других миров, в тайну мироздания. Мир обнаженный, со всеми сложными законами и взаимосвязями явлений, постигается героем благодаря природной или же приобретенной по доброй воле или вопреки ей способности ясновидения. Но, по мнению Одоевского, цивилизация постепенно вытесняет естественность жизни, и этот процесс неизбежно ведет к торжеству пошлости и бездуховности.

Так, герой повести «Сильфида», человек умный и образованный, не удовлетворен жизнью. Чувствуя в своей душе большие силы, он не находит им применения. Отказавшись от жизни в столице, он приезжает в деревню и пытается в общении с людьми непосредственными, в отказе от чтения книг обрести душевное спокойствие. Однако очень скоро он понимает, что непосредственность хороша только издали, обнаруживает пустоту людей, окружавших его.

Тогда в жизнь героя входит необычное. Читая книги по черной магии, постоянно анализируя свое внутреннее состояние, он приходит к выводу, что возможно общение с духами. Форма писем, которые пишет герой своему другу, очень помогает его самораскрытию, самоанализу.

Пытаясь найти применение своим силам, одолеваемый жадой познания, чувствуя потребность в нравственном самоусовершенствовании, он затевает эксперимент — вызов духа воздуха — Сильфида. Этот эксперимент призван выявить исключительность собственной личности, влечет за собой самоуглубление и самоанализ. Экспериментатор полностью отказывается от общения с людьми. В последнем письме другу он сообщает, что ему дано «быть свидетелем великого таинства природы и возвестить его людям» [5, Т. 2, с. 117]. «Я предназначен к великому в этой жизни!..» — этими словами заканчивается его последнее послание.

Опыт удался, герой стоит на пороге синтеза искусств. Сильфида открывает ему подлинный мир сущностей, понимание основных законов мира, учит видеть всеобщую связь явлений. Она открывает герою мир воплощенного идеала, мир мыслей. Однако все это живет лишь в его душе, точнее, даже в «душе души». Эволюция, таким образом, заключается в погружении в собственный внутренний мир, означающем отчуждение от реальности.

В процессе самоуглубления происходит духовное и нравственное совершенствование героя. Этот процесс является способом уйти от пошлости окружающего мира и средством реализации мечты о синтезе искусств.

Но открытие не состоялось — вмешалась толпа, убив исключительную личность духовно.

Общение героя с Сильфидой рассматривается людьми, стоящими на точке зрения здравого смысла, как умопомешательство. Они «излечивают» Михаила Платоновича. Прекращаются его беседы с духами, он возвращается к действительности, которая пуста и пошла, принимает ее и превращается в человека толпы.

В «Сильфиде» мир поэтический, высокий, духовный противопоставляется миру прозаически обыденному, пошлomu. Эта романтическая антитеза соотносится у В. Ф. Одоевского с конкретной человеческой судьбой и с общей проблемой человеческого бытия. Высшим стремлениям человеческой души к нравственному совершенствованию не соответствует повседневная реальность.

В самом конце произведения герой вновь обращается к мысли о том, что ему не удалось исполнить свое предназначение. «А может быть, я художник такого искусства, которое еще не существует... которое я должен был открыть...» [5, Т. 2, с. 125].

Герой повести В. Одоевского «Косморама» Владимир еще в раннем детстве чудесным образом приблизился к тайнам потустороннего мира. В игрушке, которую ему подарил доктор Бин, он видит картины будущего, узнаёт о том, что находится за пределами человеческого знания. В более зрелом

возрасте этот круг сверхъестественного знания значительно расширяется.

Герой приобретает способность в какие-то доли секунды «прозревать» всю человеческую жизнь со всеми ее тайнами. Дверь в другой мир открывается для Владимира неожиданно, против его воли.

И только потом, пребывая в постоянном страхе, чтобы малейшее движение его души не обратилось в преступление, избегая людей, он анализирует свой дар и поверяет бумаге прошедшую жизнь.

Эпиграфом к «Космораме» не случайно поставлены слова: «*Quidquid est in externo est etiam in interne*» («Что снаружи, то и внутри») [4, с. 195]. Здесь сны предугадывают действительные события, то, что герой видит и чувствует в другом мире, обязательно чем-то напоминает о себе в реальной жизни. Двойник доктора Бина, обитающий в сверхчувственном мире, предупредил героя, что он отвечает за каждое его действие, за каждую мысль, за каждое чувство наравне с ним. И когда рассудок начинает диктовать Владимиру планы преступлений, когда в его голове возникают слова: «Труп врага всегда хорошо пахнет!» [4, с. 219], приходит время для наказания. Владимир вовлекается в огромное сонмище преступлений, ибо каждая его «нечистая» мысль рождает преступное действие, в которое втягиваются и окружающие его люди. Герой становится орудием казни, причем зло, которое он несет, от него не зависит. Он боится мыслить, чувствовать, любить, ненавидеть.

В «Космораме» Одоевского для передачи психологической раздвоенности героев вводятся персонажи-двойники. М. Турьян отмечает, что «...способность человека пребывать в двух ипостасях — мистической и рациональной — Одоевский разрабатывает на двух уровнях, и здесь их мистическое раздвоение так же ярко и необъяснимо: столь разно мыслят и действуют герои повести в мире реальном и ирреальном, столь сложны и непостижимы оказываются глубины души человека, проявляющиеся в состоянии бессознательном, «сомнамбулическом», что доктор Бин, представляющий Владимиру в космораме в совершенно ином качестве, нежели в реальной

жизни, предупреждает его: «У вас должен казаться сумасшедшим тот, кто в вашем мире говорит языком нашего» [4, с. 210].

Среди «таинственных» повестей В. Одоевского особое место принадлежит дилогии «Саламандра». В рамках одного произведения объединены две романтические повести с общей для них сюжетной линией. Раскрывается драматизм судьбы человека петровской эпохи. Герой претерпевает ряд метаморфоз: полудикий ребенок; один из просвещеннейших, европейски образованных людей своего времени; обанкротившийся и опустившийся человек, теряющий свое лицо. Приобщение к европейской цивилизации способствовало его духовному развитию, но оторвало от родной культуры и обезличило. Показан распад личности героя, ее отчуждение. Ярко переживает два перевоплощения: финна в русского, молодого человека в старого графа. Герой из ученого превращается в алхимика. Мысль о золоте становится единственным двигателем в его жизни. В повести усиливается мотив утраты героем связи с миром и людьми.

В сознании Якко рождается мучительный вопрос: «Неужели человек осужден страдать на земле?.. Неужели ему не дозволены все способы, чтобы избавиться от страданий?.. Все, — повторил он, невольно содрогнувшись, — да, все, — сказал он с ожесточением, — о, чем бы я пожертвовал в эту минуту, чтобы достигнуть моей цели!» [5, Т. 2, с. 202–203].

В романтическом творчестве Одоевского чудесное всегда имеет две стороны: одну — чисто фантастическую, другую — реальную. Писатель, включая разные версии толкования одного и того же события, часто оставляет читателя в недоумении относительно того, связано ли изложение с действием потусторонней силы или же происшествие имеет реальное истолкование. В интеллектуальном творчестве Одоевского этот прием несет на себе рациональную нагрузку. Он выражает осознанное стремление указать на возможность разных вариантов объяснения жизненных явлений.

Самое фантастическое в произведениях Одоевского заключается в причудливом и свободном смешении необыкновенного и повседневного. Элемент фантастики выводит

реальное из привычного ряда, делает знакомое неожиданно-странным, позволяет читателю свежо и как бы по-новому увидеть то, что по своей рутинности воспринималось им автоматически, не задерживая его внимания.

В «таинственных повестях» В. Ф. Одоевского кроется сложная мировоззренческая проблема. В кругу русских писателей-романтиков Одоевского выделяли, прежде всего, поиски естественнонаучных мотивировок фантастического. Рассматривая в своей публицистике (например, в «Письмах к графине Ростопчиной») явления, считавшиеся сверхъестественными, Одоевский стремился «подвести их под общие законы природы». Подобные явления он пытается объяснить, основываясь на новейших достижениях психологии, физиологии, физики, а то, что остается за пределами таких объяснений, нередко рассматривает попросту как «недовольно исследованное». Но в художественных повестях Одоевский порой оценивал такие объяснения как слова, «изобретаемые в... минуты человеческого суемудрия». Романтическая идея интуиции, предполагающая акт познания, «абсолютно непосредственный, абсолютно свободный, вневременной и внепричинный» [1, с. 79], близка писателю. Идеальной может быть только полная гармония «двух взаимоисключающих мироощущений», двух несовместимых сегодня типов взаимоотношений человека с миром.

ЛИТЕРАТУРА

1. Асмус В. Ф. Проблемы интуиции в философии и математике/ В. Ф. Асмус. — М.: Наука, 1995. — 350 с.
2. Измайлов Н. В. Фантастическая повесть/ Н. В. Измайлов // Русская повесть XIX века. — Л.: Наука, 1973.
3. Манн Ю. В. Эволюция гоголевской фантастики/ Ю. В. Манн// К истории русского романтизма. — М.: Наука, 1973. — С. 219.
4. Одоевский В. Ф. Косморама / Одоевский В. Ф. // Повести и рассказы. — М: Художественная литература, 1988. — С. 195–250.
5. Одоевский В. Ф. Собрание сочинений: В 2 т. / В. Ф. Одоевский. — М.: Художественная литература, 1981. — Т. 1–2.

Стаття надійшла до редакції 3 березня 2014 р.